

Натан Альтерман

(1910 – 1970)

Натан Альтерман родился 14 августа 1910 года в Варшаве, в семье одного из организаторов первого в Польше "ивритского" детского сада, поэтому знал этот язык с детства. Стихи на иврите он начал писать в Кишиневе в религиозной гимназии "Маген Давид", но это были пробы пера.

В 1925 году Альтерман с родителями переезжает в Палестину, где закончил гимназию "Герцлия". Затем получил образование агронома в сельскохозяйственном институте в Нанси, Франция.

Свое первое стихотворение Альтерман опубликовал в 1931 г. С самого начала творчество Альтермана развивается в двух направлениях. С одной стороны, Альтерман рано получил известность как автор популярных злободневных стихов, выражавших политические устремления ишува в борьбе против британских колониальных властей в 30–40 гг., с другой — он выступает как утонченный поэт-лирик, один из признанных лидеров литературного авангарда своего времени.

В 1934 г. Альтерман начал систематически печатать свои политические стихи на страницах газеты «Ха-арец», сотрудником которой оставался до 1943 г., когда перешел в рабочую газету «Давар», где вел еженедельную колонку, публикуя актуальные, часто сатирические, стихи под рубрикой «Ха-тур ха-шви'и» («Седьмая колонка»). В них он выступал против британских властей, запрещавших репатриацию евреев в Палестину, поддерживал борьбу еврейского народа за национальное возрождение на родине.

Многие из этих стихов стали неотъемлемой частью литературы, отражающей историю ишува, сионистского движения и Войны за Независимость Израиля. Стихи, запрещенные английской цензурой, размножали и передавали из рук в руки. Альтерман написал немало стихов так называемого «легкого жанра», затем положенных на музыку и вошедших в репертуар эстрадных исполнителей и завоевавших популярность у слушателей.

Альтерман всегда в своем творчестве откликался на общественные проблемы Израиля. После Шестидневной войны он стал энергичным сторонником движения за неделимый Эрец-Исраэль, всецело посвятив свою публицистическую деятельность идеям этого движения.

При всей духовной цельности Альтермана кажется, что совершенно независимо от его политического литературного творчества развивалась его сложная образная лирическая поэзия. Примкнув к группе поэтов-модернистов во главе с А. Шлёнским и развивая традиции французских и русских символистов, Альтерман стал одним из ведущих поэтов своего поколения. Стихи его отличаются виртуозностью и разнообразием ритмики, образностью, богатой звуковой аранжировкой и глубокой лирической проникновенностью.

Фантастический мир поэзии Альтермана основан на двух противоположных началах. Это, с одной стороны, — первобытная земля, потерянный рай, где царят изначальные силы природы в ликующем блеске цвета и звука; из этого мира поэт изгнан за неведомый первородный грех, но он не потерял надежды вернуться в это царство.

С другой стороны, этой стихии противопоставлен современный город, мир технологии, механизированный, холодный и враждебный, проникнутый предчувствием катастрофы и смерти, но обладающий в то же время каким-то болезненным обаянием и зловещей привлекательностью. Все эти контрастные элементы ярко выражены в первом сборнике стихов Альтермана «Кохавим ба-хуц» («Звезды на улице», 1938). В этих стихах уже заметен поиск просвета, путей разрешения конфликта. Одним из таких путей было утверждение существования закономерности во вселенной: порядка, симметрии, ритма, что воплощено и в структуре стихов Альтермана.

Поэма «Симхат аниим» («Радость бедняков», 1941) ознаменовала новый период в творчестве Альтермана, связанный с обращением к древним источникам, элементам фольклора, к обрядовой традиции. Первобытный лес и вечный город заменены образами, взятыми из восточноевропейской еврейской традиции. Лирическое ощущение смерти принимает апокалиптические формы. Поиски избавления

переносятся из этической сферы в социальную. Глубокая вера в будущее и нетленная любовь способны сломать барьеры, отделяющие жизнь от смерти.

В «Ширей маккот Мицраим» («Песни о казнях египетских», 1944) Альтерман дальше развивает свои идеи. Опыт еврейской истории он переносит на все человечество. Десять казней, поразившие Египет, толкуются как символ неизменной цикличности человеческой истории, проходящей в чередовании добра и зла, кровопролития и мира, разрушения и возрождения. Последний сборник стихов Альтермана «Ир ха-иона» («Город плача», 1957) передает мироощущение поэта в связи с двумя историческими событиями в жизни еврейского народа — Катастрофой европейского еврейства и возрождением Государства Израиль. В большинстве стихов этого сборника сохранены основные черты лирики Альтермана с ее яркой образностью и изощренной символикой, некоторые же из них близки по стилю злободневным политическим строкам из «Ха-тур ха-шви'и».

К контрасту между современным городом и сказочным миром Альтерман возвращается и в последней написанной им поэме «Хагигат каиц» («Летнее празднество», 1965). Драматические произведения Альтермана включают «Киннерет, Киннерет» (1962), посвящен второй алии (поставлен Камерным театром); «Пундак ха-рухот» («Гостиница духов», 1963), поэтическая драма о художнике; «Мишпат Питагорас» («Теорема Пифагора», 1965) о роботе, обладающем чувствительностью человека; и «Эстер ха-малка» («Царица Эсфирь», 1966). Альтерман написал также ряд критических статей, собранных в книге «Ха-масеха ха-ахарона» («Последний слиток», 1968) и многочисленные стихи для детей.

Альтерман — один из самых значительных переводчиков мировой художественной литературы на иврит. Среди его работ — комедии Мольера, трагедии Шекспира, баллады Бернса и многие др.

Собрание сочинений Альтермана в четырех томах вышло в 1961–62 гг. Второе многотомное издание полного собрания сочинений вышло в свет после смерти поэта (1970 г. Тель-Авив) в 1971–79 гг. Сборник стихов Альтермана в русском переводе издан в 1974 году в Тель-Авиве.

ПРОЩАНИЕ С ГОРОДОМ

Один человек вернулся в свой дом
и запер дверь почерневшим ключом.
Серебро и врагов при свече сосчитал
и больше думать о них не стал.
На скрижали сердца оставил одно
имя — вовек святится оно!
Свет погасил и крылья простёр,
шагнул из окна в небесный простор —
над городом, надо всем, что любил,
большую птицею он поплыл.

Перевод А. Графова

ТАК ПОКИДАЮТ ГОРОД

Один бизнесмен
вернулся домой
закрыв за собою
замок дверной
сосчитал свои деньги
в доме пустом
сосчитал и своих
врагов, а потом
стёр из памяти
все имена
одно оставил
на все времена
и, свет погасив
и окно распахнув,
отрастил себе крылья,
перья и клюв
прыжок за окно
как крылатая тень
над спящим городом
пролетел

Перевод Э. Бар-Яалома

ОВЦА

**Он отобрал овцу бедняка,
втоптал её кровь в песок.
Её плоть сожрал и сжёг её жир:
оставил лишь шерсти клочок.**

**Но эта шерсть превратилась в нить,
а нить запылала огнём,
и пожар огромной овцой огня
к нему возвратился в дом.**

Перевод Э. Бар-Яалома

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

«Государство не преподносят
народу на серебряном блюде».

Хаим Вейцман

**... И наступит покой. И багровое око
Небосвода померкнет в дыму,
И народ,
Всею грудью вздыхая глубоко,
В предвкушения близкого чуда замрёт.**

**Он в сияньи луны простоит до восхода.
В радость, в боль облачённый,
И с первым лучом
Двое — девушка с юношей — выйдут к народу,
Мерным шагом ступая, к плечу плечом.**

**Молчаливо пройдут они длинной тропею,
Их одежда проста, башмаки тяжелы,
Их тела не отмыты от копоти боя,
Их глаза ещё полны и молний и мглы.**

**Как устали они! Но чело их прекрасно
И росинками юности окроплено,
Подойдут и застынут вблизи... И неясно,
То ли живы они, то ль убиты давно.**

**И, волнуясь, народ, спросит: «Кто вы?»
И хором
Скажут оба, в засохшей крови и пыли:
«Мы — то блюдо серебряное, на котором
Государство еврейское вам поднесли».**

**Скажут так и падут. Тень на лица их ляжет.
Остальное история, видно, доскажет...**

Перевод Р. Морана

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОДНОС

«Государство не вынесут народу на
серебряном подносе».

Хаим Вейцман

...Замолчит и земля. И краснеющий глаз в небесах
Постепенно погаснет;
Границы в дыму.
И поднимутся люди — в крови, но с дыханьем в устах —
Встретить чудо. Такое,
Что нету подобья ему.

И готовясь к параду, народ постоит под луной
В ожидании дня; от восторга и страха притих.
...Вдруг девчонка и парень
Появятся перед толпой
И неслышимым шагом пройдут мимо них.

Подпоясаны, просто одеты, двигают груз башмаков;
В путь собрались они
И шагают, молча
Не сменили одежды
Ещё не отмыли следов
Адского дня; под огнём проведённой ночи.

Бесконечно усталые
Отдых считая излишним...
Опадают росинки еврейской юности наземь...
Подойдут эти двое
И будут стоять неподвижно
Не понять: то ли живы они, то ли ранены насмерть.

И народ, цепenea от чуда, от слёз,
Спросит: "Кто вы?" Молчания не нарушая,
Те ответят народу. "Тот самый поднос,
На котором несли Государство Израиль".

**Скажут так. Упадут, и поглотит их вечное море.
Остальное — читайте в еврейской истории.**

Перевод В. Глозмана

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОДНОС

"Государство не подаётся народу
на серебряном подносе"

Хаим Вейцман

**...И утихнет страна. И заря огневая
Потускнеет, зайдёт
Над землю в дыму.
Встанет нация — ранена в грудь, но живая
Перед чудом —
Подобного нету ему.**

**И, охвачена ужасом и ликованием,
К торжеству приготовясь, при свете луны
Она встанет — и выйдут
Девушка с парнем
Шагом медленным перед глазами страны.**

**В форме, серой от копоти, грязи и пыли
Прошагают они
По тропе в тишине,
Не сменили одежду и пота не смыли
Дня в трудах непосильных и ночи в огне.**

**Как устали они! Им покой неизвестен —
Этой поросли юной
Еврейской весны.
И приблизившись, молча застынут на месте,
И неведомо, живы ли, иль сражены.**

**И сквозь слёзы тогда, в восхищении скорбном
Спросит нация: "Кто вы?" И скажут: "Мы тот
Поднос серебряный на котором
Получил государство еврейский народ".**

**И, сказав, упадут, в темноте не видны.
Остальное расскажут анналы страны.**

Перевод Ш. Крола

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОДНОС

«Государство не преподносят народу на
серебряном подносе.»

*Хаим Вейцман, первый президент
государства Израиль.*

**И затихнет земля. Голубой глаз небес,
Покраснев от пожарищ, затянется тьмою.
Молча встанет народ перед чудом чудес,
Изувечен, но так и не сломлен судьбою.**

**Он готов к торжеству. В мертвом свете луны,
Луч надежды в израненном сердце лелея,
Ждут евреи чудесного дара Страны —
Государства Евреев.**

**И тогда им навстречу — без песни, без слов
Выйдут парень и девушка. Юные лица
От рабочего пота и дыма боёв
Потеряют красу и не будут светиться.**

**Их одежда и руки черны от труда,
На их лицах усталость последнего боя.
И пойдут они медленным шагом туда,
Где Народ их встречать будет стоя.
Молча встанут они — не мертвы, не живы —
Пред Народом, уставшим от горя и слёз.
И Народ спросит их: «Скажите, кто вы?»**

**«Мы — Серебряный Твой Поднос,
который Тебе Государство принёс...»
Тень Страны на тела их упавшие ляжет,
И Народ перед ними склонится в безмолвии...**

**А всё остальное — после расскажут
На страницах Еврейской Истории.**

Перевод Л. Камень

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

«Нет такой страны, которую бы народ
получил на серебряном блюде.»

Хаим Вейцман

**... И земля замолчит. Алый отсвет всё выше,
И вдоль дымных границ тихо тает рассвет...
Мой народ, твоё ранено сердце, но дышит...
Принимаешь ты чудо, которому равного нет,**

**И народ торжествует. Он мечту свою строит,
и восстаёт в беде и победе страна.
И навстречу к ней выйдут два юных героя,
два отчаянных сердца. Двое — он и она.**

**В гимнастёрках простых и в ботинках тяжёлых
Молчаливо пойдут они, силу храня,
И горит на одежде их огненный сполох —
След работы и след фронтового огня.**

**Так устали они в бесконечной тревоге.
Их еврейскую юность навсегда воспою!
Как стоят они прямо в начале дороги...
Не пойму — они живы или пали в бою.**

**И тогда мой народ, пронизанный чудом и горем,
спросит: кто вы? И ответят они. И речь их ясна:
Мы — то блюдо серебряное, на котором
Вам навеки подарена эта страна.**

**И замолкнут. Их тени окутает дождь...
Остальное в истории нашей найдёшь.**

Перевод Р. Левинзон

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

«Государство не подается народу на
серебрянном блюде...»

Хаим Вейцман

**... И затихнет земля. Взгляд небес окровавленный
Понемногу уймёт
Пыл дымящих границ
И восстанет народ — в скорби, но не подавленный
В ожидании Чуда
На исходе зарниц**

**Встретить чайнный миг он готов. Лунным заревом
Обрамлённый, стоит, чуть дыша, еле жив...
... И навстречу ему выйдут
Девушка с парнем
И неспешно пройдут пред народом своим**

**В форме пыльной, в грязи, в тяжелеющих ботах
Молчаливо пройдут по пути в новый день
Не сменивши одежд, не умывшись от пота,
Что несёт след забот и боёв ночных тень**

**Бесконечна усталость, о покое забыто,
А еврейская юность с них стекает росой.
Молча оба шагнут
И замрут, как убитые —
Без движенья, без жизни — как на посту часовой.**

**Восхитится народ горемычного жребия,
Спросит: Кто вы?. И двое, чья речь вдруг хмельна,
Скажут: Мы... мы и есть то блюдо серебрянное,
На котором даётся евреям страна.**

**Скажут так — и падут, завернувшись в тень-мареву.
Остальное войдет в анналы Израиля.**

Перевод Т. Зальцмана

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Тишина в пространстве громче вихря,
И в глазах кошачьих блеск ножа.
Ночь! Как много ночи! Звёзды тихо,
Точно в яслях, на небе лежат.

Время ширится. Часам дышать привольно.
И роса, как встреча, взор заволокла.
На панель поверг фонарь ночных невольников,
Потрясая золотом жезла.

Ветер тих, взволнован, лёгким всадником
Прискакал, и, растрепав кусты,
Льнёт к зелёной злобе палисадников,
Клад клубится в пене темноты.

Дальше, дальше ввысь уходит город
С позолотой глаз. Урча, без слов,
Испаряют камни гнев и голод
Башен, крыш и куполов.

1938

Перевод Л. Гольдберг

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Нашу дикую пору, как слёзы смахнём,
по лесам и по просекам — что уж проще —
бродит Красная Шапочка день за днём,
полевые цветы собирает в роще.

И корова и гусь ковыляют за ней,
следом кошка бредёт, опираясь на палку,
как пропавший рассказ, как напев прошлых дней,
как улыбки следы, позабытой и жалкой.

А грядущее смотрит со стороны.
И напрасно умножили мы изумленья.
И сосёт себе пальчик голый месяц луны,
будто прежде, у папы ещё на коленях.

Вот и мы помолчим. И земли травяной
нам из празелени поморгают ресницы.
Мы закрыли глаза, но взгляд бросим иной —
потемнели вершины иль нам это снится?

1938

Перевод Г.-Д. Зингер

ИЗ ВСЕХ НАРОДОВ

И казнили детей у могил... В этот час
Спали люди спокойно на свете.
Ты под солнцем избрал среди народов — лишь нас.
Ты нас трудной любовью отметил.

Ты избрал нас, Господь, среди прочих людей,
Утвердил нас под солнцем упрямо...
Видишь, мальчик стоит над могилой своей
Потому лишь, что он от рожденья еврей,
Кровь его — как вода в этом мире зверей.
Прсит он: «Не смотри, моя мама!»

Плаха мокра от крови, зазубрен топор,
А Святейший отец в Ватикане
Не желает покинуть прекрасный собор —
Поглядеть на погром, на закланье.

Постоять хоть часок — может, Бог что простит —
Там, где агнец разнuzданным миром забыт,
Где дитя Над могилой
Стоит.

Помнит мир о сокровищах прошлых веков —
Ведь наследие предков бесценно.
А хрустальные чаши ребячьих голов
Изуверы
Дробят
О стены!

Крик последний звенит: «Мама, ты не гляди,
Это зрелище — не для женщин.
Мы ведь тоже солдаты на этом пути,
Только ростом немного поменьше».

**И казалось, кричит разможенная плоть:
«Бог отцов наших, помним мы кровью:
Средь народов земли ты избрал нас, Господь,
Ты отметил нас трудной любовью,
Ты, Господь, из миллионов детей нас избрал.
Пред тобою погибли мы, Боже,
Нашу кровь ты в большие кувшины собрал —
Потому что ведь некому больше.**

**Запах крови вдыхая как запах вина,
Всю до капли собрав ее, Боже,
Ты с убийц наших, Господи, взыщешь сполна.
С большинства молчаливого — тоже...**

1942

Перевод Д. Маркиша

«МАМА, УЖЕ МОЖНО ПЛАКАТЬ?»

«...спросила девочка, выйдя из укрытия,
после освобождения».

Аба Ковнер

**Ты мечтала об этом не раз:
Можно плакать теперь, не таясь.
Ты не бойся: бессилён палач...
Плачь, дитя моё милое! Плачь!**

**Вот луна — как свет её лил!
Дядя Йозеф наш дом позабыл.
Знает мир, сожжённый дотла,
Сколько мук ты перенесла.**

**Знала ты в те страшные дни,
Что и ночью-то плакать — ни-ни!
А разве вдомёк палачам,
Что зубки болят по ночам!**

**Минул ужас, и страх прошёл.
Написали большой протокол.
Нет теперь у нас старых проблем:
Разрешается плакать всем!**

**Лунной ночью, в кровати своей,
Встань и плачь на глазах у людей,
Плачь, дитя моё, в голос, навзрыд
Мир свободы поймёт и простит.**

**Доброй власти рука — крепка!
Можно плакать наверняка.
И Премьер с крестом на груди
Не прикрикнет тебе: «Прекрати!»**

Ты, дитя, от зари до зари
Добрый мир этот благодари,
Часовым у закрытых дверей
Ты «Спасибо!» скажи поскорей.

И тогда справедливый Закон
Вмиг отвесит тебе поклон.
Ну, ещё б! Это ль видано:
Право плакать тебе дано...

Ночь темна — ни зги не видать.
На границах военная рать.
Ты границу пройди — и с тобой
Флот и армия вступят в бой.

Ты проснёшься ночью порой,
Ты уйдёшь в рубашонке худой,
Проскользнёшь, как тень, по снегам.
Ночь не выдаст тебя врагам.

Узел джойнтовский-скорбный гнёт —
Как тростнику тебя согнёт.
Хлеб скитаний — тяжелее свинца, —
Он от «Унра» — родного отца.

Всем опасностям наперерез,
Ты пробьёшься сквозь чёрный лес,
Твой побег из земли оков
Мы запомним во веки веков.

С утлой лодки, ночью порой,
Ты увидишь свой берег родной —
И навек рассеется мрак.
Ты пробьёшься. Да будет так!

**Дух скитальческий свой укрепи.
Распадутся звенья цепи!
Наши парни во мраке ночей
Ждут сигнала с лодки твоей.**

**Ни причала, ни мола тут...
На руках тебя перенесут!
В этом парне — вся твоя жизнь.
Ты прижмись к нему крепче, прижмись!**

**Злобной воле врагов вопреки,
Бьют здесь радости родники.
Здесь падет произвол вековой.
Этот берег пустынный — твой!**

**Розовеет рассветная кровь.
Рождена ты для жизни вновь!
Твёрже камня в лишениях став,
В трудной жизни и смерть испытав,**

**На тебя будут парни глядеть —
На дитя, победившее смерть.
На земле обновлённой мечты
Засмеёшься впервые ты!**

Перевод Д. Маркиша

В РУИНАХ

В руинах воюющего Сталинграда играют
дети, а женщины сушат там белье.

(Из заметки корреспондента).

**Жизнь бурлит и в бою — до последней кровинки.
Не рождён ещё в мире палач Бытия.
Жизнь восходит впотьмах огоньком керосинки,
На верёвках трепещет крылами белья.**

**Гибнет город на Волге, как факел пылает.
Мальчик скачет по праху на палке верхом.
Мама мальчика в ужасе руки ломает!
«Непоседа! Кем станет он в мире таком?!»**

**И плетётся к соседке за мискою старой, —
В ней, на глиняных стенках — столетий отвар
Уцелела она при злодеях-татарах —
Да ведь немцы-то будут похуже татар!**

**И под вой канонады — голодной волчицы —
Закипает похлебка в худом котелке.
Так, пустое: морковка, щепотка мучицы,
Соль да пёрышко лука в крутом кипятке.**

**Жизнь бурлит и в бою — до последней кровинки,
Не рождён еще в мире палач Бытия...
В дом вернулся отец — кровь на лбу, как росинки,
Он изранен, глаза его — талые льдинки, —
К колыбели с порога он, слёз не тая.**

**Умирая, глаза закрывая навеки,
Видит он огонёк своего очага...
И кровавого, страшного времени реки
Боль его и надежду уносят в века.**

**Зверь опасный народу и городу вырыл
Яму смрадную, яму могильную, — но
Лишь домашний очаг — место смерти и пира.
А историю этого странного мира —
В Судный день нам увидеть её суждено.**

Перевод Д. Маркиша

РАССВЕТ ПОСЛЕ БУРИ

Разбит, прибит,
Базар, хромая, встал
С разгромленных телег, с сугробов сена,
Очнувшись,
Циферблат на башне сосчитал
Свои часы
Последние до смены.

Но пахнет улица
Еще дождем,
И памятник, сияя
Мокрыми глазами,
С моста глядится в водоем.

И дышит дерево —
И дышит пламенем рассветного расцвета,
И именем
 грозы,
 громов
 и лета.

1938

Перевод Л. Гольдберг

ЗАВТРА

Рёк Адаму Господь: «Вот богатства мои!
Не покинь бедняком мою сень:
Выбирай!» И Адам, вняв совету змеи,
Выбрал в дар себе «завтрашний день».

Указал он дрожащей рукой на ларец —
На сокровище в красном футляре,
И сказал со слезой: «Дай мне «завтра», Творец:
Вся надежда моя — в этом даре!»

Внял Адаму Господь. Взял он дар — и ушёл.
В небе ангелы знали о нём:
Его поле — пустырь, и шатёр его гол,
Но владеет он завтрашним днём.

Обрабатывал землю он в поте лица
И терпел изнурительный зной —
И в томительном этом труде без конца
Жил он мыслью: «Ведь «завтра» со мной!»

И прошли поколенья... Блуждали, как тень,
Сквозь потёмки людские потомки.
Укреплял их в пути этот завтрашний день,
Что был спрятан на дне их котомки.

И осталось в анналах бесчисленных лет
Много саг про бесчестную ловлю —
Как украли тот клад, излучающий свет,
Разменяли на мелочь фальшивых монет
И пустили на рынок — в торговлю.

Но всегда и везде, в смене дней и ночей,
Та же песня бессмертного автора
Заглушала стон мук, звон цепей, свист бичей:
Это — вечная песня про завтра.

**И по нынешний день — и на наших глазах,
В грозном мраке, сквозь бурю и вой,
Мать младенцу поёт, улыбаясь в слезах:
«Светлый завтрашний день — будет твой!»**

**Хоть народ твой сегодня унижен и сир,
«Завтра» даст тебе вольную новь.
То наследье веков принесёт тебе мир,
Хоть футляр его красен как кровь.**

**Для тебя пролагают, дитя моё, путь
К этой ярко-сверкающей цели.
«Спи, мой сын!» Но ребёнок не может уснуть,
Тихо плачет в своей колыбели.**

**И, услышав тот плач, прародитель Адам
Шевелится в могиле устало.
От обиды бедняге не спится и там:
Его «завтра» ещё не настало!**

**Сам же завтрашний день, что дремотой объят,
Тоже слышит тот плач с возмущеньем,
И когда его щупает вдруг дипломат —
Содрогается он с отвращением.**

**Слухи, тайны вокруг — словно шепчет злой бес
И он чует с безмолвным проклятьем,
Что пороки людей, капитал, интерес
Собираются снова играть им.**

**И свой краткий закон он вещает во мгле,
Проникая в глубины сердец:
«Либо всем дам я свет на свободной земле,
Либо... песне о завтра — конец!»**

Перевод Х. Райхмана

ПЕРСПЕКТИВЫ

«Возрастает уверенность, что нынешние усилия упрочения мира смогут предотвратить новый мировой взрыв».

(Из газет).

**Закключаются пакты. И всё твёрже и твёрже
Раздаются повсюду, куда ни смотри,
Голоса дипломатов: «есть шанс, что задержим
Мировую войну номер три!»**

**Это есть безусловно отраднейший факт,
Что хотят задержать этот гибельный акт.
И приятно, что можно войну избежать
— Но, по логике, если так многи
Заявления о шансах её задержать —
То она уже, значит, в дороге.**

**Коль земля не изменит свой вид, то она
Обладает немалыми шансами
Демонстрировать фильм «мировая война»
Без антрактов между сеансами.**

**Так, в течение лет, сам себя уюкошит
В этой серии войн человеческий род.
И лишь где-нибудь там, в дебрях леса, быть может,
Уцелеет один готтентот.**

**Но и он (хоть один, вместо тысяч и сотен)
Будет тешиться копьями, как в старину;
И повздорит с собой — и рассердится «готтен»,
И объявит он «готу» мировую войну.**

**Это будет последняя битва на свете.
Взоет лес. Но не будет уже никого,
Чтоб спасти в роковые мгновения эти
Человека последнего — от себя самого.**

**Взвесив шансы на мир, отмечаем с печалью,
Что единственный вывод покамест лишь тот:
Если мир будет жить готтентотской моралью,
От него уцелеет только тот готтентот.**

Перевод Х. Райхмана

СЕНСАЦИИ С ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Секрет.

Секрет.

Секрет.

Затаил дыханье весь свет.

Собрались тут владыки мира.

Тут решится его судьба.

Миллионы ждут слов из эфира,

Что спасут их — иль вгонят в гроба.

Вдруг — газета. И вмиг стар и млад

На киосках буквально повисли:

Что ни весть,

Что ни новость, то клад,

Клад сокровищ

Духа и мысли.

1

Сенсация первая!

Великая весть:

«Великие» встретились —

И начали есть.

2

Хор вестей вперегонку:

Подают — печёнку!

3

Дипломат намекнул, что, по слухам,

Та печёнка зажарена с луком.

4

**Ах, его репутация погублена.
Оказалось: печёнка нарублена.**

5

**Вина: порто с шартрезом.
Мясо: дичь с майонезом.**

6

**Приложение: пикули.
Хлеб — одни пумперникели.**

7

**Сногшибательный «сcoop»:
Замечательный суп!**

8

**«Таймс» и радио вкупе
Сообщают о супе.**

9

**Пресса ждёт дополнения.
Мир дрожит от волнения.**

10

**Завтра утром, поверьте,
Будем знать о десерте**

11

**Словом, тьма витаминов!
Микрофоны шумят.
А вся масса кретинов
Всё читает подряд.**

Перевод Х. Райхмана

ИЗ ЗАПИСОК СОБАКИ

(одной из собак, обученных и служивших во время войны – и привезенных в 1946-ом году в Палестину для розысков оружия).

1

**Офицер Том Фут
Разбудил чуть свет
Нас, ищеек, и их —
Репортёров газет.
Он сказал нам: «Минута настала!
Мы выходит на розыск металла!»**

2

**Никогда с такой свитой
Не пускалась в поход я.
На ошейники наши
Нацепили поводья.
И помчались с прытью экспресса
Мы
и все представители прессы.**

3

**Мы явились в «Сдот-Ям».
Опустивши свой нос,
Я ползу по земле, учиня допрос.
А за мною следит,
Как всегда, сарджент Смит.**

4

Час прошёл. Я в поту.
Два прошло. И без слова
Сарджент Смит за ремень
Меня дергает снова.
Есть ли, мол, результат?
— Нет. Пока — никакого.

5

Утро в день перешло. Вот и вечер настал.
Очи Смита пронзают меня как кинжал.
Я в отчаяньи бегаю,
То одна, то с коллегою,
И тоска моё сердце щемит и томит.
О, что случилось со мной, объясни, сарджент Смит?
И сказал сарджент Смит: «Постыдись неудачи!
Ты забыла сноровку — или долг свой собачий!»

6

Что ни слово — то нож!
Меня бросило в дрожь.
Став на задние лапы,
Я крикнула: Ложь!

7

Сарджент Смит, ты забыл, Как военной тропой
От Кале и до Рейна
Шла я вместе с тобой?
Как ползла сквозь огонь, не щадя своей жизни,
И как верой и правдой служила отчизне?

Там я знала свой долг.
Я тогда ощущала
Только запах металла,
Металла,
Металла!
Но теперь, сарджент Смит — жуть и дрожь в моих лапах,
Потому, что другой здесь я чувствую запах.
Пахнет здесь не металлом, а гниющей империей
И британским народом, обманувшим доверие,
И трусливым правительством, вечно бьющим отбой
И глумящимся, Смит, надо мной и тобой.
Пахнет здесь дипломатами, игроками прожжёнными,
Что торгуют на рынках святыми знамёнами
И священною кровью героев войны —
И смеются над долгом, что жертвам должны.
И я чую, полна и стыда и тревоги,
Смрадный запах конца этой жалкой дороги.
От всей мощи Империи не останется знака...
Знать, недаром так воев в её стенах собака.

8

Так истошный мой вой
Лился ночью глухой.
Побелевший как мел,
Смит в глаза мне глядел.
Он схватил револьвер... Быстрый выстрел — и промах.
В ту минуту там не было ни чужих, ни знакомых.
И никто не видал этой вспышки огня.
И никто не слышал. Ни его. Ни меня.
Рассвело. Мы убрались с пустыми руками.
А сегодняшней ночью буду выть я в Рухаме.

Перевод Х. Райхмана

ОБЪЯСНЯЙ СНАЧАЛА!

1

**С незапамятных дней насаждался в рос
Лес памфлетов и книг
Про «еврейский вопрос».**

**На ту вечную тему
И писать-то уж не о чем:
Объясняли проблему
И учёным и неучам;
Объясняли читателям —
И врагам и приятелям;
Со всем пылом печатного и словесного пороха
Объясняли и Герцль, и Пинскер, и Борохов.**

**Объясняли речами, всему свету знакомыми,
А враги, в промежутках, объясняли погромами,
И огнём, и мечом, и ножом, и дубиной —
(Не вместить и в страницу тот перечень длинный).**

**И поборники правды на решающем форуме
Выражали сочувствие дружелюбными взорами,
И внимали ораторам, и кивали сердечно:
Понимаем, друзья,
Понимаем,
Конечно!**

**Да, евреи народ, а не секта. Как свеж ещё
Тот жестокий урок, что им нужно убежище!
Их рассеянье было несчастье и грех.
Надо дать им всё то, что давно есть у всех:
Территорию, власть, представительство в мире.
Ясно раз навсегда! Как два на два-четыре!**

**Значит, ясно? Прекрасно! было очень приятно,
Что никто этих истин не толкует превратно,
Но, как видно, в проблеме, разъяснённой так хлестко,
Оставался вопросец — небольшая загвоздка!**

**И теперь, через годы,
Этот мелкий вопросик
Из глубин аксиомы снова высунул носик.**

**Он был, мельком
И быстро,
Задан в речи
Министра.**

**«У евреев — сказал он — есть две просьбы к правительствам
Наделить их убежищем — И своим представительством.
Что ж? Страна для убежища — им, конечно, нужна
Но зачем — объясните — Непременно одна?
Если в каждой стране им уделят по квоте —
Вот и будет конец
Их и нашей заботе!**

**А насчёт представительства — непонятно мне, право,
На каком основании можно дать это право?
Это право даётся — так докажут все книги им —
Лишь народам и странам,
Но никак не религиям...»**

**Эти перлы министра
Нам напомнили ныне
Анекдот о крестьянине
И об автомашине.**

2

**Два часа просвещали одного селянина,
Как пускается в ход и как едет машина.
И он слушал внимательно с понимающим взглядом —
И со лба объяснителя пот катился уж градом.**

**Наконец, он сказал
«Хватит, я ведь не пень!
Понимаю!
Всё ясно, как день!**

**Значит, есть карбюратор,
И затем генератор,
И затем батарея,
И затем конденсатор.
Тут бензин наливается,
Здесь мотор зажигается.
А тут действует вал,
А затем — передача;
И вращенье колес,
Стало быть, не задача.
Одним словом, прекрасно я понял урок,
Да одно мне, признаться, еще невдомёк —
И один лишь вопрос у меня:
Где тут, братец, впрягают к о н я?»**

3

**Да, устами политика
Так и сказано прямо.
Значит, снова начните-ка
Объяснять от Адама!**

Перевод Х. Райхмана

О ШАЙКЕ ЕВРЕЙСКИХ ПОДСТРЕКАТЕЛЕЙ (После сообщения мандатных властей)

1

Это — шайка фанатиков! Сводка властей
Приписала не мало грехов ей;
Она тащит евреев в Марсель и в Пирей,
Подвергает людей риску утлых ладей,
Где и жажда и давка, как в бочке сельдей,
И где нет санитарных условий.

Сообщенье о шайке, лишённой стыда —
Не казенная ложь пропаганды,
Это сущая правда! Да-да, господа!
Всюду бродят команды той банды.

Это знает теперь каждый путь, каждый тракт;
Эта шайка — действительный факт!

Её члены прельщают наивных невежд
И готовят, хитры и коварны,
Контрабандные грузы еврейских надежд
Из Констанцы,
Из Бари,
Из Варны.

Её ярко рисует казённый портрет;
Но, коль взять, например, иностранцев,
Как похожа она целым рядом примет
На известную шайку британцев.

2

Был год «блица». Впотьмах, не снимая одежд,
Жил весь Лондон как город лунатиков.
И тогда, для спасенья британских надежд,
Вышла шайка английских фанатиков.

**О, бессовестный клан! Ввёл он нацию в грех.
Не забыть его варварских слов ей:
«Пот и слёзы и кровь» — обещал он для всех —
Вместо всех санитарных условий.**

**Пот и слёзы и кровь! Кровь и слёзы и пот!
Вот что было предложено Черчилем,
Главарём этой банды, в тот памятный год
Англичанам наивным, доверчивым.**

**Риск, мученья, нужду и обманчивый луч
Они дали стране, почерневшей от туч.
Они звали, тащили на бон, на дозор!
Подстрекали, манили... О, стыд и позор!**

**Но когда Лорд Гав-Гав в своём радио-стиле
Объяснял англичанам, ругая их нрав,
Что их всех завлекли, обманули, сгубили —
Хохотали британцы над Лордом Гав-Гав.
Над такой безграничною тупостью,
Над такой грандиозною глупостью.**

Перевод Х. Райхмана

ТОСТ ИТАЛЬЯНСКОМУ КАПИТАНУ

Небо в тучах кругом — и шумит ураган.
Но уж сделано дело на море.
Мы подыдем стакан в твою честь, капитан!
Мы с тобой ещё встретимся вскоре.

Неизвестна — темна та морская стезя,
И никто её славы не слышит;
Тайный путь тот на карте увидеть нельзя —
Но история путь тот запишет.

Про тот маленький флот из бесчисленных стран
Создадутся стихи и романы.
И, пожалуй, тебе — да, тебе, капитан,
Позавидуют все капитаны.

Наши парни работают ночью впотьмах;
За свой труд отдадут они душу.
Ты видал, как они с кораблей на плечах,
Свой народ переносят на сушу.

За холодную ночь мы подыдем стакан!
За опасность, за труд и за горе!
За наш маленький флот, что в пути, капитан,
За судёнышки, скрытые в море!

За отважных ребят, что без карты ведут
Судно к берегу в тёмные ночки —
И, уйдя от погони жестокой, дойдут
В нужный срок до назначенной точки.

Волны моря споют ещё песню свою
К расскажут рассказ очевидца,
Как народ наш в своём трафальгарском бою
Смог спасти утлый бот — и пробиться!

**Небо в тучах кругом — и шумит ураган.
Но ведётся работа на море!
Мы подыдем стакан в твою честь, капитан!
Мы с тобой ещё встретимся вскоре!**

**День придёт — и в таверне, в беседе ночной,
Ты вздохнёшь за бутылкой Кьянти,
Улыбнёшься и скажешь, тряхнув сединой:
«Постарел я, друзья мои, гляньте!**

**Но, хоть много на свете прошёл я путей,
Ещё помню — о, Санта-Мария,
Как, при спуске, в ту ночь я промок до костей
В этой... как её звать?.. Нагария!»**

**И тогда мы расскажем: «Замок уже снят,
И ворота открыты народу;
И открыла их, брат, эта кучка ребят,
Что в ту ночь смело бросилась в воду».**

**Усмехнёшься: «В борьбе меж пловцом и ловцом
Ваших даром искали «радаром» —
И закончишь крутым итальянским словцом,
Поминающим чёрта не даром.**

**День придёт! А пока — пусть шумит ураган!
За опасность, за труд и за горе!
За наш маленький флот, что в пути, капитан!
За судёнышки, скрытые в море!**

Перевод Х. Райхмана

ОТВЕТ ИТАЛЬЯНСКОМУ КАПИТАНУ

**В небе бесятся тучи, ревёт ураган.
Дело сделано, мачта им в глотку!
Поднимай, капитан, поскорее стакан
За свою немудрящую лодку.**

**Этот путь, капитан, как и ты, безымян,
И у Ллойда отмечен едва ли.
Но на картах истории он осиян
Блеском мужества, светом печали.**

**Этот маленький, бедный, занюханный флот
Воспоют и стихи, и романы,
А тебе позавидуют, мой мореход,
Всех земель и морей капитаны.**

**Наших славных парней ты видал, капитан —
Да святятся их сильные плечи,
Что несли свой народ через ночь и туман
К берегам заповеданной встречи.**

**Так давай же скорей поднимай, капитан!
За ветра, за опасные галсы!
За твой маленький флот, за прибрежный туман!
И за тех, кто ещё не добрался!**

**За ребят, обманувших британский корвет
В темноте, без огней и компаса,
Мимо рифов и скал, среди мин и торпед
Протащивших худые баркасы.**

**День придёт, и в углу своего кабака,
Над бутылочкой кьянти балдея,
Ты задумчиво сплунешь ошмёт табака,
Улыбнёшься и скажешь: “Старею!**

**Повидал я немало и выжил, не стух,
Но запомнил — о, Санта Мария! —
Как я вымок тогда, словно глупый петух,
В темноте у камней Нагарии”.**

**Мы ж расскажем тебе, что победа — у нас,
Дело сделано, мачта им в глотку!
Дело сделано теми, кто, с морем борясь,
Принимали грузёную лодку.**

**Усмехнёшься: “Конечно, таких не возьмёшь
Ни огнём, ни водой, ни эсминцем!”
И такую солёную шутку ввернешь,
Что портовый кабак задымится.**

**Будет так, а пока — поднимай, капитан!
За ветра, за опасные галсы!
За твой маленький флот, за прибрежный туман!
И за тех, кто ещё не добрался!**

Перевод Д. Конторера и А. Тарна

ЕВРЕЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ **(по поводу одной забастовки)**

**Сионизм, ты сегодня вознёсся высоко —
Учрежденья и фонды, куда ни гляди...
А вот помнишь ли ты, как тебя одиноко
Нёс еврейский учитель на впалой груди?**

**Ты тогда и во сне не мечтал о «Гаснэ»,
О Гадассе, о «Нире», о Керен-Гайсоде.
Ты имел лишь его: Дон-Кихота в пенсне,
В сюртучке по сомнительной моде.**

**Когда брёл он по снегу и в слякоть с тобой
И с «Любовью Сиона» писателя Мапу,
Он был первой «Сохнут», тебе данной судьбой
По дороге к иному этапу.**

**Был «Мерказ Хаклан» он — и был «Мехон-Зив»,
Раздавал изюм в Туби-Шват всем питомцам;
А в их лепете детском звенел Тель-Авив,
До того как возник он под солнцем.**

**А когда, объясняя детишкам язык,
Он писал на доске имена и глаголы, —
Вся «Махлекет-Тарбут», все издательства книг
Были там — на доске его школы.**

**Сетью всех учреждений служил он тогда —
И лишь банком он не был ещё никогда.**

**Гольтьбы у нас тьма (должен Менделе звать я!)
Но баланс всей истории нашей таков,
Что (конечно, помимо писателя, брата)
Наш учитель детей — чемпион бедняков.**

**Задолжал он с дней Кальмана Шульмана пекарю
(Тот, отчаясь, давно прекратил уж свой бунт),
Бакалейной торговке, портному, аптекарю...
И всегда нехватает бедняге лишь фунт.**

**Вы глядите брезгливо, друзья! Перестаньте-ка
Поэтично гнушаться прозаических дел!
Вы ведь все сионисты. Почему же романтика
Одному лишь учителю тут даётся в удел?**

**Копит денежки в банке родитель с семейкою —
Но клеймит педагога, вспылыв как огонь:
Тот бастует, устав от погонь за копейкою...
О, друзья! Не довольно ли этих погонь?**

**Вы ведь знаете все этот тип человека.
Если он победит забастовкой «врагов» —
Не пугайтесь, друзья: до скончания века
Он не выйдет из пут векселей и долгов.**

**Фунт привел к забастовке, но долг обвинителя
Объективно исследовать почву и грунт.
И тогда он, наверно, поймёт и учителя:
Мы должны ему больше чем фунт!**

Перевод Х. Райхмана

ПРОЦЕСС РАСКОЛА или ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Ты знаком, читатель, с той особой,
Что зовётся в биологии амёбой?

Это — клетка жизни, но родиться
Суждено ей, крохотной, на гóре...
В микроскопе — в капельке водицы
Ты её увидишь словно в море.

В капле — волны плещутся бурливо,
И амёба плавает в прибое...
От потуг созрел процесс разрыва —
И гляди:
Из тельца стало двое.

Жуть и дрожь проходят по амёбе —
И смотря со страхом, как на чудо,
Половинки спрашивают обе
Друг у дружки: «Кто ты — И откуда?»

Вне себя амёба от напасти,
Вкруг себя снуёт она впустую...
Вдруг сошлись — сцепились обе части —
И давай кусать одна другую.

И тогда зовёт она во злобе
Самое себя на поединок...
Что за чёрт? Вдруг в каждой пол-амебе
Вспыхнул бой двух новых половинок.

Бьёт себя амеба и кусает —
И бежит, спасаясь от себя же;
И себя же ловит и глотает —
И, давясь, выплёвывает в раже.

**В микроскопе — свалка и бесчинство:
Разбивает бурька все стремленья
Возвратить пропавшее единство,
Прекратить слепой процесс деленья.**

**В капле — ад, покоя там ни в чем нет.
Тьма врагов — и битвы, схватки, злоба...
И один лишь Бог на небе помнит:
Все они — та самая амеба.**

Перевод Х. Райхмана

МАЛЕНЬКИЙ КЛЕРИКАЛ

1

У знакомой мне пары — весьма вольнодумной —
Был прелестный младенец, способный и умный.
Но едва лишь он начал ходить и гулять,
Как учуял отец, и учуяла мать,
Что их сын... клерикал — и, увы, не на шутку!
Словно бес — мракобес вдруг вселился в малютку.

Каждый вечер коварно клерикал-лилипут
Задавал им вопросы, что к добру не ведут:
«Что вверху? Что внизу? Кто все звёзды зажжёт?
Кто росой окропил всю лужайку сегодня?
Сразу чует наш нос в тех вопросах душок!
Их придумала «чёрная сотня».

Но родители были не слабой формации
И умело давали отпор провокации:
В их словах была пущена в ход биология,
Биохимия, физика, антропология...

2

Но беда тех вопросов была пустяком бы —
Да родители худшей боялися бомбы.
И недаром так трясса отец-педагог:
Сын однажды спросил: «Существует ли Бог?»

Захватило от ужаса у родителей дух:
Как дошёл до ребёнка тот злокозненный слух?
Состоялся военный семейный совет —
И решил: тот секрет рассказал ему дед.

Но божился и клялся в слезах старичок.
Что он с внуком ни-ни, и о тайне — молчок.

Чтобы внук не подглядывал, упаси его Боже!
А во время молитвы — он старается тоже,
Он, молясь, только шепчет, неприметно для слуха,
Чтоб запретное имя не коснулось уха.
В его «циффе» и окна всегда запирались,
Чтобы внук, не дай Бог, не узрел его «талес»!

3

Тут решили, что впредь нужно в оба смотреть,
Чтобы сын не попался в коварную сеть;
Защищать его разум незрелый и ранний
От микробов зловредных влияний.

Но сказал им логичный и мыслящий друг:
Чтобы выполнить эту задачу,
Нужно скрыть от младенца всю землю вокруг —
И завесить все небо впридачу.

Не забудьте: для крошки любая звезда
Может вдруг послужить провокатором —
Но пока никакой ведь марксист никогда
Ещё не был возвращён инкубатором.

И на что будет годен марксист жалковатый,
Как «этрог» из коробки, окутанный ватой?
О, борцы-вольнодумцы! Мать, отец, педагоги!
Чуть побольше смекалки — и поменьше тревоги!

4

Не забудьте и то, что детишками малыши
Все вы тоже являлись, друзья, клерикалами.
Но Господь не без милости — и потом понемногу
Вы дорогу к «безбожникам» ведь нашли, слава Богу!

Перевод Х. Райхмана

МУШТРОВКА ДЕТЕЙ

За словами команды раздаётся свисток.
И шагают рядами молодцы с ноготок.

Маршируют младенцы «социал-сионисты»,
Дефилируют с флагом крошки «нео-марксисты».
Важно шествуют в ногу Ради, Носи и Рама;
«Никаких компромиссов!» — их святая программа.
А напротив шагают Ури, Зива и Хая —
И горланят протесты: их программа — другая!

Радикальные детки из отрядика Узи
Видят цель своей жизни в «Двународном Союзе».
— «Вечный срам ренегатам!» — воют воины Ципы.
Что поделаешь! Разные у детишек принципы.

И нередко младенчики, что сосут точки-зрения,
Подкрепляют и камушком свои веские мнения.
Нам же, нашем сердцу, слаще всяких конфеток
То отрадное зрелище столь сознательных деток.

Их знамёна — не шутки;
Все в цветных униформах;
В наше время малютки
Тут растут на платформах.
Мальчик — робот! Орудье! Граммофон! Попугай!
Знай свой диск
И свой писк —
И шагай!

Так идут малыши, что безвременно скисли.
Во главе их Всезнайка, светоч духа и мысли;
Он в коротких штанах, но язык его — длинный;
И цитаты и лозунги так и льются лавиной,
Это — вождь детворы, пастырь юного стада,
Политрук всего детского сада!

**Он так твёрд, он так горд! Непреложно уверясь,
Изрекает он истины; а их критика — ересь!
И уста, на которых ещё со вчера
Молоко не обсохло, горланят «ура!»
И никто не осмелится (хоть и хочется часто)
Взять всезнайку за шиворот и сказать ему «баста!».**

**На него нет управы! И игра продолжается.
Руководство свистит — и отряд отправляется.
На простом языке (позабытом у всех)
Имя этому зрелищу — безобразье и грех.
Но у нас, прости Бог, это тоже,
Называют «движением молодежи».**

Перевод Х. Райхмана

«ГАН-МЕИР» В ТЕЛЬ-АВИВЕ

Если время летучее вдруг
Нам не скажет: «пора в усыпалку!» —
Мы ещё прогуляемся, друг,
В «Ган-Меир», опираясь на палку,

Вкруг деревьев там будут парить
Все болтливые ласточки города.
Ох, и «все наши кости начнут говорить» —
А им в такт закачаются бороды.

Кости будут кряхтеть — ну, и пусть!
Пусть вздыхают, что старость — не радость;
Но, по правде, хоть есть в ней и грусть,
Есть зато и немалая сладость.

Шум деревьев услышим вокруг.
Ты их помнишь, конечно? Ещё бы!
Мы их знали малышками, друг,
А теперь они все — «небоскрёбы».

Нет, ты знали их раньше ещё:
Как проект, как параграф бюджета;
Препирались о нём горячо
Главари городского совета.

А теперь... Но ведь фокус-то прост!
Всё, мой друг, объясняется временем;
Те же годы, что дали им рост, —
Нас с тобою согнули под бременем.

Мы присядем, коллега старик,
На скамье — она наша ровесница,
А у ног наших птичка прыг-прыг —
Городская весенняя вестница.

**И она ведь часть плана была —
А теперь уже скачет живая...
Этот пункт целиком привела
В исполнение власть городская.**

**А плакатик: «не рвать», «не топтать»
Нам внезапно напомнит: мы были
Вечно заняты, друг — и сорвать
Для себя по цветочку забыли.**

**Многих дев, что в свою череду
Здесь гуляли с юнцами под ручки,
Вновь увидим в тот вечер в саду:
За вязаньем чулочка для внучки.**

**Новый девичий выпуск займёт
Место бабушек в пляске весенней...
Здесь с саду, что растёт и растёт,
Можно видеть и рост поколений.**

**А кругом разрастется, как сад,
Этот город, немалый и ныне:
И тогда обратится он в град,
Где Яркон будет течь посредине.**

**И, читая всю быль наизусть,
Улыбнёмся, припомнивши младость,
Но, хоть будет в улыбке той грусть,
Будет, друг, и немалая сладость.**

**Прикорнём мы на пару минут,
Головою склонившись к колену...
И детишки с улыбкой шепнут:
«Ишь, как спят себе, старые хрены»!**

Перевод Х. Райхмана

АРАБСКАЯ СТРАНА

«Палестина – арабская страна, и
чужим нет на нее никаких прав».
(Из арабской декларации)

**Ночь ясна. Рощи гор шелестят
Под двурогой ущербной луной.
И арабские звёзды блестят
В вышине над арабской страной.**

**Серп луны ещё тонок и куц,
Но рой звёзд, не скупясь на труд,
Льёт сиянье на город Иль-Кудс,
Где когда-то жил Малек Дауд.**

**Звёзды будят мерцаньем своим
Иль-Халиль, погружённый во мрак,
Где схоронен отец Ибрагим,
Тот, чей сын был хаваджа Исхак.**

**А оттуда спешат они вглубь —
Красить золотом зеркало вод
Той реки Иль-Урдун, где Якуб
Переправился с посохом вброд.**

**Ночь ясна. Полон мир тишины.
Звёзд огонь расцветил небеса
Над горами арабской страны,
Куда вывел нас Наби Муса.**

Перевод Х. Райхмана

АРАБСКАЯ СТРАНА

«Палестина всегда была арабской
землей, и у чужаков нет на нее
никаких прав.»

(Из заявления арабских лидеров)

**Ночь чиста. В эту ночь все молчит,
Лишь деревья во сне шелестят.
В небе звёзды арабской ночи
Над арабской землёю блестят.**

**Звёздный блеск, что так бледен и куц,
Семенам своим ищет приют,
Шлёт их в дремлющий город Аль-Кудс,
Где устроил свой двор царь Дауд.**

**А вдали, взглядом звёзд озарён,
Город древний лежит Эль-Халил,
Где отец Ибрагим погребён, —
Тот, который Исхака родил.**

**Золотой луч звезды как гарпун
Прободил негу призрачных вод,
Отражаясь в реке Эль-Урдун,
Что Якуб перешёл как-то вброд.**

**Ночь чиста. Звёзды как янтари
Тайной вечной закона горят
Над горами арабской земли,
Что пленила навек Мусы взгляд.**

Перевод Т. Зальцмана

АРХИМЕДОВА ТОЧКА

1. Теория

Архимед как-то в ванне плескался, и в ней
Засиделся милейший старик и размяк,
Размышляя среди прочих абстрактных идей
Над штуковиной, имя которой — рычаг.

Волновались соседи, зверея, и стать
Торопились в затылок:
— Порядки какие!
Когда он, Архимед, хочет ванну принять,
Лишь единственный раз, в этой самой воде
Вес удельный у тел обнаружив,
Вышел раньше, и думалось нам — быть беде,
Когда крикнул он «эврика!», мимо нас пролетев,
Распорядок наш тоже нарушив.

Так шипели соседи, кто громче, кто тише,
А старик в это время из ванной вышел.

Выйдя, бросил: «Рычаг... Инструмент — ну и ну!
Исполины в нем дремлют,
Он мощный и спорый...
Этот мир вверх тормашками переверну,
Только дайте мне точку опоры!»

Услыхав этот клич, все домашние — в смех:
— Ишь ты, прыткий какой...
А ведь старенький... Странно...
Ну, конечно, такое не выдумать грех,
Целый день полоскаясь в ванне!..

... И с тех пор отшумели года и теории,
Но тот радостный клич старика
Всё жужжит и жужжит в оба уха истории,
И как дятел, долбит неустанно века.

**И герой не один зарывался:
— Все ясно!
Мне взметнуть этот мир иль в могилу сойти! —
Находил рычаги, но трудился напрасно,
Так как точку опоры не мог он найти.**

2. Практики

**Ночью в Мюнхене
В грязной пивной с рукомыльником
Собралась стая разбойников
И сидела, пивцо попивая спокойненько.**

**А к утру куцеусый разбойник встал
И сказал хромоногому другу: — К действию!
Наш рычаг установлен,
Гляди — красота.
Ну а точка опоры в нём — точка еврейская!...**

**И пошло, завертелось — и в глаз, и в бровь...
Зубоскалы под флагами пёрли, рыча...
И еврейская кровь была первая кровь,
Просившая этот рычаг...**

**А земля демократов терпением сильна:
— Не волнуйтесь, державы и страны,
Это частный рычаг, и лишь точка одна
Истекает кровью из раны.**

**И, наглея, смелел куцеусый бандит,
И кудахтала громче хромоногая квочка.
И не поняла те, кто давал им кредит,
Что еврейская точка, несясь впереди,
Это есть Архимедова точка.**

**Размахнувшись,
Рубила рука рычага —**

**И чернели пейзажи от орд врага...
Чехи, помните, были вначале,
А за ними Варшава — смятенье и смерть...
И заплакали дети, и матери замолчали.
Демократы без толка метались, дрожали,
И рыдал в темноте седой Архимед...**

**Вдруг —
Никто не успел осмыслить явления —
Началось
Светопреставление...**

3. Мораль

**Начинается это всегда о замешательства,
С мелочей и с политики невмешательства;
С безграмотности очень парламентарной
В законах физики элементарной
С блюдолизов, ханжей и идейных зевак.
И с незнания, что же такое рычаг;
Начинается это с людишек, которым
Расплатиться придется за кровь и за горе;
Начинается это...
Но, если угодно,
Это всё не закончилось даже сегодня!...**

Перевод А. Пэнна

О СЕНЕГАЛЬСКОМ СОЛДАТЕ

который был мобилизован во время мировой войны,
и после победы брошен в круговорот англо-
французских интересов в Леванте.

1

В Сенегалии дальней,
Среди роз и грёз,
Сенегалец-парнишка,
Рос и рос.
Прыгал с пальм,
Кувыркался в волне сенегальной. —
Ох, прохладна ж вода в Сенегалии дальней!

Потом появился чиновник хозяйский
И верёвкой скрутил его сенегальской.
Затем он, рабом на плантациях, массово
Паковал и грузил плоды ананасовы,
А когда обессилел — удрал:
— Знай нас они!

Потом он бичом был избит и разжалован, —
И длинны же до жути бичи сенегаловы.
А затем, когда в бойне захлебнулись народы,
Он был призван спасать
Мир любви и свободы...

2

Грёб в дыму и огне он, бесстрашно суров.
Его черные губы цедили кровь.
В субтропическом шлеме,
Сквозь смерти сугробы,
Он шагал, защищая свободу Европы.

**И ему объясняли что надо сметь,
Что во имя культуры он примет смерть.
И, когда прекратилась взрывов халтура,
Он понял:
Она спасена — культура.**

3

**И тогда он сказал себе:
«Что ж, перестань ты,
Отдохни...» —
Это было ночью в Леванте...**

**... И была эта ночь — шубрии и склоки,
Ночь концессий, ночь нефти,
Ночь денежных блоков...
Да, одна из ночей Ближневостока...**

4

**... На больничную койку он грузно слёг,
И, пытаясь понять, что случилось — не мог...
В окровавленном черепе, пёстрой баталией,
Звуки выстрелов, толпы, огни Сенегалии...
Сенегалия! Франция! Бритсенегалы!
Сенегалия крупных и средних, и малых...
Сенегалия в прошлом, Сенегалия в будущем,
Сенегалия общей победы над чудищем!..**

**«Папа, — бредит он, — радуйся, прыгай по-заячьи!
Вся земля — Сенегалия!
Мир — сенегаличий!
Все империи — слушай! — порядком нормальным
Выражаются только языком сенегальным!..
Мир боролся с врагом, уничтожив каналю,
Для тебя, Сенегалия!
Для тебя, Сенегалия!..»**

**Так он бредил и смолк, потонув в хлороформе,
И вопрос о Леванте
Вырос на Форуме.
И судили об этом вопросе умелые
Сенегальские представители —
Белые!..**

Перевод А. Пэнна

МОЛИТВА О МЕСТИ

За то, что
Он живым зарывал меня в землю и жѣг,
И состарился я, словно древнее небо,
Дай мне ненависть, серую, как мешок,
Что вдвоём не поднять её тяжести мне бы.

Я к живущим врагам заявлюсь неживой
И над ними взойду полнолуния долей.
Они полем и рощей гнались за мной —
Буду гнать их я рощей и полем.

Пусть узнают мучители мести лицо,
Пусть замечется в ужасе крик палачей,
Когда тот, кто считался уже мертвецом,
К ним вернется живой саранчой.

Покровитель, очнись! Из могил и трущоб
Кровь убитых зовѣт, услышал ты их чтоб!
Встань, отец! Встань и рви!
Ведь на то ж ты отец! —
Есть предел униженью, есть мукам конец!
И о чём я прошу? — Только б этой рукой
Дотянутся к их горлу, отец дорогой!
Разве многого ищет в их доме твой сын? —
Лишь зеницу их ока ищет твой сын!
Тяжела его грусть. Его сердце в золе.
Он истоптан врагом на горячей земле.
И, оплѣванный весь,
Он твердил: «грянет месть!»
И, немея, мечтам
Предавался: «воздам!»
В день, когда твоя месть вспыхнет праздничным светом
Пусть хоть глазом одним он увидит всё это.

**Если ж радость его будет бурно цвести —
Не взывай к нему: «сжался, помилуй, прости!»
Не забудь одного, побежденного сотней.
Пусть желанным войдёт в твою сень и обитель.
Гнев заклятых, отец-покровитель!..**

Перевод А. Пэнна

ОЛИВКОВОЕ ДЕРЕВО

Лето царило
Семьдесят лет.
Солнце — яда и мести прибой.
Только он — оливняк, безмолвный аскет —
Стойко выдержал огненный бой.

Родина,
Его клятва свята! Будни сочные с ним
Груза звёзд и луны не грузили.
Только бедность его, словно «Шир га Ширим»,
Сердце скал твоих насквозь пронзила.

Или, может быть, волей небесных высот
Он слезой наделён, распалённой в огне,
Чтоб над книгой твоей, как сухой счетовод,
Одинокó итожить гнев.

Когда горы твои жаждут смерти и в них
Молит бляеянье стад о дожде на лугах,
Он твой страж крепостной,
Твой пустынный-жених,
Твоя жизнь в его цепких руках.

Ослеплённый закатом, под вечер лицо
Твоё ищет он — где ты?!..
В огне его жил и корней обручальным кольцом
Твой плач сохранён на дне.

От него далее ад в испуге бежит,
Зря растратив жару...
Если гложет
Грудь камней хоть один корешок, чтобы жить, —
Сердце гор никогда умереть не сможет!..

Перевод А. Пэнна

ОГНЕННЫЙ БАСТИОН

Дымится и хрипит старинный гнев земли,
И мстью бредит он, как раб в неволе...

Земля —

Она твоя в крови проклятий и молитв,
Она в глазах твоих осела белой солью.

Древней любви и слов её прожжённый прах,
А жажда

Первых лоз и струй вина древнее.

И человек во сне, и дерево в корнях —
Заложники её. Всегда при ней и с нею.

Терзай ее металлом заступов —

Она

Щетинится щитами огненно и сухо.

И потом рук своих расплачешься ты под
ее неслышащим, окаменевшим ухом.

Но лишь растаял звук

То видишь, горы спят,

Не отступив.

Сильны.

Ни дрожи, ни ответа.

И над тобой, жесток, незыблем и распят,

Сияет дикий ад голубизны и света!..

Перевод А. Пэнна

* * *

**Разгул огня.
Земли коричневая медь.
В утробе пламенной и серая руда.
Не тронь рукой пылающую смерть
Она и недоступна и горда.**

**У ног твоих она распластана, как даль
Допамятных времён, костями и сердцем разом.
Ты дорог ей, как мысль последняя, когда
В погроме солнечном себя лишился разум.**

**Охотник-день —
Дикарь песчано-голубой —
Хоронит в ней тела зарезанных закатов.
Звездой далёкою завещаны ей бой
И эхо ужасов, пережитых когда-то.**

**Гром — крик её родов — грохочет.
Самка-мать
Зверёнышей своих спасает, хвост развеяв.
Огнём
Целованы уста, дерзнувшие назвать
Вот эту землю родиной своею!..**

Перевод А. Пэнна

* * *

**Лишь небо и шатёр. Вдвоём они весь век.
Дорога к ним горит, зажатая песками.
Во тьме к порогу их приходит человек,
Его глаза —
Два зеркала для камня.**

**Не на покой несёт он сердце.
Пусть устал.
Но отдыха не настал ещё для ран и ссадин.
Идущий из песков, он обнимает сталь, —
Буравя и кроша, она устала за день.**

**Ни тени облачной. Не поля хлебный круг —
Ночная дымка гор простор заморозила.
Он заступ опустил, и пальцы смелых рук
Улыбкой светятся — а плачут только жилы.**

**И небо, бровь кривя, глядит из тьмы ночей;
В шатре, сминая боль, растёт покой звериный.
Свеча —
Могучей всех божественных свечей! —
Над хлебом и письмом слезится стеарином.**

Перевод А. Пэнна

* * *

— Мертва ты, а я всё ещё живу, мой брат.
Теперь над нами ночь, немая до безумья,
Ещё силен я, брат, и сталь еще остра,
И об неё земля свои ломает зубья.

Усталая моя!
С восхода по закат
Её горючий гнев я потрошу покорно.
Во сне моей! она в моих руках — как ад.

И если б дни её погасли, от когтей
Моей ослепшей страсти некуда ей деться.
Она к моей судьбе прикована, как тень.
Она моя дотла. Я взял её за сердце.

Не видеть мне богатств её чудесный сплав.
Не знаю, в чём и где моя награда...
Счастливым я умру, однажды услышав
«Вода!»
Среди сухого каменного ада.

Перевод А. Пэнна

ВИНО

Сын янтарных ветвей. Лебеза-слововой.
Клялся тысячам и забывал.
Но смеётся босая в нём дочь деревень,
Чьи ступни он, кипя, целовал.

И когда мудрецы, то хваля, то кляня,
Постигают в нём голую суть, —
Только память о ней провожает меня,
Как звезда неотступная в путь,

С первоздания бражного выкрика: пей!
Непременно его нищета.
Я его протащу под полою к себе
И тобой разбужу, Хамутал.

И притихший вдали от тебя, просыпаясь,
Он взбурлит, проклиная твоих краснобаев.

Ведь в тебе одинокость вина. И, огнём,
На пирах где смысл и тепло.
Но ревнивое сердце безглазо и в нём,
Как Самсон ослеплённый врасплох.

Хамухал, Хамутал, ты росой залита
Твои пальцы — глазам моим песнь.
Дик твой стан. Хамутал, как мустанг, Хамутал,
И как молния в далях небес.

Наша радость в тоску облачила себя.
Где ты? глаз от крови не отвлечь.
О, явись! много храбрых, увидев тебя,
Упадут на свой собственный меч.

Грусть вина неизменно верна. Мы же сами,
Друг мой, блудом блудили, идя за глазами.

По нему наша страсть, измельчавшая в пыль.
Бьёт единственно-вечной — тобой.
Он молчал и любил. Он касался и пил,
Как луну пьёт осипший прибор.

Он приют нашей первой любви. И над ней
Он, почерточно схож, нависал,
Он наш праздник живой — бедных будней бедней, —
Он стираем рукой, как слеза.

И когда своей старой печалью залит,
Он коснётся и вас, как моря, —
Знайте: это последний влюблённый земли
Провожает нас в путь — умирать.

Ведь рука его в клятве, а наша — в измене,
Но вовек его милости мы не изменим.

Не забудь, исколола тебя, как ножи,
Нашей спеси болтливая роль.
Строгой грусти полно лишь вино твоё, жизнь,
Сквозь отрепья в нём виден король.

Не забудь его имени выжатый сок
И касанье струи огневой,
Его первая ласка — свобода высот,
Что незнаема нами живой.

В нас от ласки повторной струится, как ртуть,
Его царственно звонкий металл.
А последняя ласка несёт темноту,
И забрезжит во тьме Хамутал.

Мы в хаос многопалой рукою вращали,
Но, как он, её сердца, друзья, не касались.

Перевод А. Пэнна

ДИАЛОГ

— Где ты, Михаль? Я шорох слышу, скрип ворот.
О, если б миг один ещё побыть с тобою.
Зажги свечу, жена, и выйди на порог,
Дан свет, чтоб тьма была бессильна надо мною.

— О, Михаэль, открыта дверь перед тобой.
Я на пороге жду, и свет навек со мной без счастья,
Пустынна ночь без слёз, пустынна ночь
Но светит свет, и нет меж нами тьмы ненастья.

— Где ты, Михаль? Я в хаос выброшен слепой.
Я там, где нет огня и нет земли и неба.
Я пал, сражён. Но я услышал голос твой.
И я ищу тебя, как голод ищет хлеба.

— О, Михаэль, тела слепые сражены,
Но взоры чрез огонь и прах напряжены.
Моё лицо в твоих руках волной омыто,
И сквозь неё земля и небо нам открыты.

— Где ты, Михаль? В руках судьбы мы — словно нож
Слепой в руках жестоких, с непонятной целью.
Вынь нож из сердца, и его ты уничтожь,
Когда ты будешь петь, Михаль, над колыбелью.

— О, Михаэль, с тех пор, как стал меня ты звать —
Во мне жена ликует, и горюет мать.
Не меч сынов родит. Но иногда умели
И меч, и нож вставать на стражу колыбели.

— Где ты, Михаль? Я утром в смертный бой пошёл,
И я сказал тебе: «Пред вечером вернусь я».
С тех пор, Михаль, как будто целый век прошёл.
А я к тебе лицом ещё не повернулся.

— О, Михаэль, ты в бой решающий пошёл.
И после всех его решений ты меня нашёл.
Гляди, любовь меж нами вся полна до края.
Хранили мы её, ни капли не роняя.

— Где ты, Михаль? Где ты приют себе нашла?
Лишь это мне скажи, и я, как прах, рассеюсь:
Ты в доме слёз, иль в дом ты к жениху вошла?
И что твой голос так звенит, зовёт к веселью?

— О, Михаэль, приют себе уж я нашла.
Но в доме слёз я, к жениху я не вошла.
Мой голос радостью звенит, поёт ликуя, —
Ведь рядом тут с тобою, под землёй, лежу я.

Перевод М. Ялан-Штекелис

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Были юноши светлых порывов полны,
Были девушки нежны, как солнца восход,
По горам Иудеи бродили они
С узелком на плечах до Кинеретских вод.

Так, примерно, полвека тому назад
Появились они — авангардный отряд, —
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймёт?

Жить хотят здесь, в стране
Средь пустынь и болот.
Что за странный,
Действительно странный народ!

И сказали они: хватит тратить слова
Про Сион — наших прадедов родину-мать, —
Надо землю пахать и поля засеять,
Надо в поте лица себе хлеб добывать.

Так сказав, — за работу. Насмешки презрев,
Они потом своим орошали посев.
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймёт?

Заявили — свершили,
И труд им оплот.
Что за странный,
Действительно странный народ!

И сказали: отбросив боязнь и страх,
Будем ночью и днём мы на страже стоять
И верхом на коне и с оружием в руках
Нашу жизнь, и честь, и добро защищать.

**Заявили — свершили: во мраке ночей
Их найдёшь ты на страже садов и полей.
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймёт?**

**Создают «Гашомер»,
Их и страх не берёт.
Что за странный,
Действительно странный народ!**

**И сказали: Чужбина нам домом была,
Речь чужая в устах наших братьев звучит, —
Мы отныне едины в стране, как скала.
Как один, перейдём на родной наш «иврит».**

**Тот язык в старых книгах обрёл свой покой,
Но они говорили на нём меж собой.
И встречая таких.
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймёт?**

**Разговор на «иврите»
До чего доведёт?
Что за странный,
Действительно странный народ!**

**И сказали они: мы «квуцу» создаём
И мы жить будем вместе семьей трудовой:
Поле вместе засеем, и то что пожнём,
Словно братья, поделим мы между собой.**

**Так сказали, покинув покой и уют,
И Кинерет и Дганью они создают.
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймёт?**

Создают «квуцу» Дганью,
На чём строят расчёт?
Что за странный,
Действительно странный народ!

Не пророки они, но им ясен их путь:
Воскресит наш народ авангардная рать,
Если сможет скитания пыль отряхнуть,
Чтобы стать за станок, целину поднимать.

И сказали они: знаем, время прядёт,
Снова сеять и строить начнет наш народ.
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймёт?

Опьянение мечтой
До чего доведёт?
Что за странный,
Действительно странный народ!

И теперь, озирая свой праведный труд,
Они видят заводы на полном ходу,
В новых селах крестьяне и косят и жнут,
На границах страны — наш солдат на посту.

И они говорят, видя всюду народ трудовой:
Кто мечтал хоть во сне о жизни такой?
И встречая таких,
Вспоминают о них:
Что за странные люди! Кто их поймёт?

Тут такие простые дела...
Как на ум это им не придёт?
Что за странный,
Действительно, странный народ!

Перевод А. Рафаэли (Ценципер)

Я видел — ты выходишь из угла. Все разошлись.
И в темноте осталась ты,
Чтоб заковать меня в прохладу своих рук.

Спокойные промчались годы под твоим окном.
В шкатулке позабыты серьги — память прошлых дней.

Твое лицо худое высечено из грусти.
Мелькнув мечтою предо мной,
ты сберегла мне самый ценный дар —
Расплату за любовь, печали черствый хлеб
И луч улыбки первой, падающий ниц.

Перевод О. Файнгольд

* * *

Ещё слышится песня, что пелась тобой,
И открыта дорога в далёкие страны.
Тучка в небе, деревья в воде дождевой
Ещё помнят тебя, милый странник.

Но поднимется ветер, и молний хвостом
Раскачается всё, что с тобой было раньше.
И расскажут овца и барашек о том,
Что погладил ты их и отправился дальше,

Что пусты твои руки и дом твой далёк,
И тебе не однажды дано поклониться
Смеху женщины, ветке, чей зелен листок
И в дождинках побеги-ресницы.

1938

Перевод Я. Либермана

* * *

Снова слышен напев, что старался забыть,
И дорога, как прежде, распахнута настезь,
Облака в синеве и берёза в росе
Снова ждут тебя, странник, как раньше.

И пробудится ветер, и молний дуга,
Как качелей разбег, прочертит над тобою,
И овца, и ягненок напомнят тогда,
Как ты тронулся в путь, их потрогав рукою.

**И карманы пусты, и твой город далёк,
И не раз ты склонялся в поклоне
Перед женщины смехом и зеленью рощ,
Пред стооко-росистой кроной.**

1938

Перевод З. Копельман

* * *

**Он ещё зазвучит, твой забытый напев,
и простором прозреет дорога.
Облака в высоте и дожди на тропе
ожидают тебя за порогом.**

**И восстанут ветра, и зигзагом крутым
вспыхнут молнии в небе порожном,
и овца и косуля расскажут, что ты
их погладил и путь свой продолжил.**

**Что ты лёгок и нищ, что твой город — не твой,
что ты падаешь ниц перед листвою
этой рощи простой, смехом женщины той
и ресницами длинными хвои.**

1938

Перевод А. Тарна

* * *

**Вот шепчет о чём-то деревьев листва,
Вот ветер кружится, взмывая в небо...
Опишут их разве
Мои слова?
Сердец их коснуться мне бы.
Взять хлеба и соли, воды запasti,
И только иссякнет лето,
Припасы в отцовы поля отнести
Старшим братьям — простору и свету.**

Перевод Я. Либермана

ПЕСНЬ КАЗНЕЙ ЕГИПЕТСКИХ

I. ПО ДОРОГЕ НО-АМОН

1

Но-Амон, с лязгом петель железных
Сорвались ворота твои прочь.
И египетских казней бездна
Разверзлась карать тебя в ночь.

Но Амон, до звёздного свода
Взвился первый крик беглеца;
И живой, не дойдя до входа,
Превратился вдруг в мертвеца.

Возопил царский град от боли,
Дрогнул город со всех сторон —
От дворцов до крупницы соли,
От лохмотьев и до корон.

Средь поверий, легенд, преданий
Блещет сказ твой тьмой огоньков,
Как пожар недоступно дальний,
Ты горишь сквозь туман веков.

И как память грехов и кары
В одеянии кровавом, как рок, —
Ты стоишь, никогда не состарясь,
На распутье людских дорог.

2

Ты — курган в память злых нашествий
И набегов буйных племен.
Города, поражённые бедствием, —
Ты им зеркало всех времен.

Ты курган в память сонмищ чумных,
Что, разбив на межах лагеря,
Как шуты на арене шумной,
Воздаянье, играя, творят,

Чтоб узрел мир владык измены,
Ложь толпы чтоб увидел он.
Оттого горят его стены
Твоим пламенем, Но-Амон.

И сечёт тебя стая пророков
Розгой режущей, словно сталь,
Чтоб добавить ко злым карам рока
Речь гнусавую про мораль.

Орды черни с совестью чёрной,
Задыхаясь, бегут свалить
Всю вину на царя и придворных,
Чтобы руки свои умыть.

И когда раскатился громом
Несуразных знамений удар
И горел, словно стог соломы,
Твёрдых истин яркий пожар,

Пепел твой чрез века забвенья
На ветру, словно стая птиц,
Вьётся, слившись во тьме поколений,
С пеплом всех погибших столиц.

3

На тебя, как из норки мышью,
Смотрит робкая песнь без лица,
Чуя воду, огонь и слыша
Плач о первенце, плач отца.

**Но-Амон, ты окутан мглою.
В ней отец с трупом сына у ног.
Плач отцовский сорву я рукою,
Как с могилы бессмертный цветок.**

**Хоть зачах цветок неуёмный,
Но горит он ещё сильнеей.
Все погибшие ночью тёмной
Его кровью зажгли своей.**

**Ибо праведен меч Божьей воли,
Но, пройдя кровавой стезёй,
Насыщает он след свой, как солью,
Всех невинно погибших слезой.**

4

**Но-Амон, с железным громом
Ворота твои сорваны прочь.
О египетских казнях споём мы,
Что карали тебя в ту ночь.**

**Как поднявшись из рек густопенных,
Из пустыни жгуче-сухой
По тебе они чинно, степенно
Борозду провели сохой.**

**Но-Амон, метрвцов вереницы
По сей день у стены стоят.
А над ними хищные птицы,
Как кошмар застывший, висят.**

**Десять казней тебя разили.
И ничем их не превозмочь.
Десять раз часы полночь пробили.
И ночь первая — крови ночь.**

II. КАЗНИ

1. Кровь

Звездой пришельца ночь,
Амон, оголена.
В колодцах и прудах вода озарена.
Как алый жемчуг ты горишь, огнём дыша,
От девичьей косы до нищего гроша.

Грош нищего сверкает, как кровавый зрак,
Девицы крик пронзил колодца чёрный мрак.
И дрогнула рука — Господь, не погуби!
И кануло ведро и звякнуло в глуби.

Над бдением и сном — блеск красный, огневой,
В ресницах, на устах пылает пекла зной.
И девичья коса поникла, как мертвец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Всё кружится во мне, как пляска тысяч ног.
Иссушен я, отец, иссушен, как песок.
Отец! Прижми меня. Я в пропасти без дна.
И хоть глоток воды подай из кувшина.

Мой первенец, мой сын, вода вся стала кровью.
За то, что истекал град праведною кровью.
Черна колодца глубь. Глаза овец горят;
Ибо в крови был город, но не дрогнул град.

О! Жажда лютая, отец, меня сожгла.
Звезда пришельца, сын, над Но-Амон взошла.
Вода его, отец, пылает в кувшинах.
Кровь слепо льётся, сын, а мы — в её волнах.

2. Жабы

Болотной тиной окутан Но-Амон.
И за грехи свои весь город преклонён.
Напрасно он, как ад, клокочет и вопит:
— Боже, Амон храни! В нем Нил теперь царит!

Лягушка, появись! Тебя здесь царство ждёт!
Ты — жаба склизкая! Царица и урод!
Как всадник проскачи! Слюнявый срам людей!
Ты, жаба, обретёшь корону королей!

И гадина ползёт, и пухнет, и растёт,
И Нила злой прилив волнится и гниёт.
И вьются сонмы жаб, как змеи тьмой колец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, то мчится Нил, он наводняет свет!
И жаба правит им! И ей отпора нет!
И лапою она мне зажимает рот!
Спаси меня, отец, хоть чудом. Смерть идёт.

Мой первенец, мой сын, так город царский гибнет.
Последним рухнет он, ведь только царь так гибнет.
Но ночь ещё длинна, крепись, терпи, мой сын.
Остался до утра ты у меня один.

Отец, в ушах моих беды не молкнет стон.
Сын, в эту жабью ночь так гибнет Но-Амон.
Отец, но он умрёт как царь, в боях, среди сеч.
Ты, сын, в его руке узришь знакомый меч.

3. Вши

О, город Но-Амон, ты ненавистным стал.
Поднялся прах земли, и ожил, и постлал
Язвящей вши покров. Слепой, бесслышный ад,
Ты ненавистным стал, Амон — столица-град,

Вошь, вошь презренная, тобой земля кишит.
Ты та, кто впереди чумы и язв бежит,
Ты та кто после битв несётся из страниц
Раба! Перед тобой падут народы ниц.

Ты мразь ползучая, желта, как золотник.
И рвут себе лицо и дева и старик,
И в гнойных муках мечутся стада овец.
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, погас, как ночь пустыни, свет очей.
Отец, я растерзал себя в тиши ночей.
Освободи меня! На волю отпусти!
От кары губительной меня здесь не спасти.

Мой первенец, мой сын, не свершено возмездье.
Смерть для карателя, сын, не венец возмездья.
Он взыщет плоть за плоть — от пальцев и до губ.
Ресницу за ресницу, зуб за зуб.

Отец, рыдает кровь во мне, как страшный звон.
Пыль, прах земли, мой сын, терзает Но-Амон
Ночь велика, отец, бессменна тишина.
То мщенья ночь, мой сын, а мщенья ночь страшна.

4. Хищники

Стрелой по Но-Амон помчалась рысь стремглав,
Зверь бродит в городе! Кольцо с ноздрей сорвав,
Рванулся бык и пал и снова встал; впотьмах
На чёрной шкуре кровь, как пламя на углях,

С цепи сорвавшись, псы безумные бегут.
И кто-то крикнул: волк! И, словно в цирке кнут
Страх только подал знак — короткий свист судьбы —
И кони, опьянев, взметнулись на дыбы

И в свалке дьявольской все кругом понеслись, —
Зверь, скот и человек в побоище сплелись.
Мелькают зуб и нож — как сквозь туман гонец.
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, когтистый сброд — шакал, орёл и волк —
Вонзает клык и клюв. Домашний скот умолк.
Оставь меня, отец, уйди и не клонись...
Отец, отец родной! Ты выглядишь как рысь.

Мой первенец, у всех переменялись лики.
И в людях и в скоте сверкают рысьи лики,
И не покинет этот лик века, века
Младенца колыбель и ложе старика.

Отец, скот рвёт себя, он в ключья превращён.
Сын, рыси глаз горит над городом Амон.
Отец, в глазах его уж высохла слеза.
Сын, многое ещё увидят те глаза.

5. Чума

Свет факелов, Амон. Он крив, он извращён!
Свет факелов! В нём гнев и радость, Но-Амон!
Амон, ты блеск и мгла. Амон, ты — смерть и мор,
Ты — в гневе женщина, ты — в свете молний бор.

Как часто человек, сглотив терзаний крик,
Бежит, чтоб обрести веселья краткий миг.
Но в эту ночь чумы не умолкает пир.
Весельем славен он на весь обширный мир.

Амон, свет факелов, веселием горя,
Пройдет материки, переплывет моря
Из рода в род... Незрим, незрим его конец.
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, от трупов дым клубится из костров.
Отец, мне хочется разгула и пиров,
И шуток, и забав, и плясок, и проказ.
Мне радость дай, отец, увидеть хоть бы раз.

Мой первенец, мой сын, веселье — дар небесный,
Но нас оно разит страшнее кар небесных.
Дай Бог нам, сын родной, той радости не знать,
Которой вопль — отец, а ужас — её мать.

Отец, во мне звенит свирели перелив.
Сын, в факельном огне Амон чудесней див.
Бьёт барабан, отец, под звуки медных труб.
Сын, в стенах Но-Амон само веселье — труп.

6. Язвы

Блестит луна, легка. Амон, ты онемел.
И серебристый луч — позорища предел.
И сжаты все уста. Кто взглянет только раз,
Испуганно сомкнёт ресницы тёмных глаз.

На стенах, по дворам разостлан язвы слой,
Зелено-розовый с зернистой белизной.
И на плоти людской зардели жемчуга.
И плоть твоя не плоть, а острый нож врага.

Амон, проказой всё в тебе поражено:
Молчание друзей, сон улиц и вино.
Свирели плач — созвучья чистого венец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, в потоках рек пожар мой погаси.
Сгораю, я, отец, избавь меня, спаси!
Из пламени, отец, являющего огня
Неси меня к заре, к заре иного дня.

Мой первенец, мой сын, к спасенью нет дороги.
Нам некуда бежать, проказа на дороге.
Сомкни глаза, и ясным станешь как хрусталь.
Не жди утра вдали. Покрыта язвой даль.

Отец, на всём живом цветистых язв узор.
Луною в Но-Амон, сын, освещён позор.
Смеясь, отец, луна плывёт легка, легка...
И на младенца, сын, глядит издалека.

7. Град

Вдруг раскололась ночь. И разом пала ниц,
И покатился град, как сонмы колесниц,
И засверкала мгла, и сумрак распылён.
В разрухе и красе, Амон, ты оголён.

Вся твердь — живой поток убийственных камней.
И хлещет землю град, что миг — то все сильней.
В глубинах льдин огонь. И раненая тварь,
Упавши, мечется. О, твердь, сильней ударь!

В глубинах льдин огонь. А над потоком льёт
И, заглушая крик, по головам он бьёт.
Он бьёт, хоть на земле уж распростёрт беглец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, кишит зверьми все небо, как леса.
Пусть соколом взлечу, отец, я в небеса.
Швырни меня, отец. Расплющусь я как вошь!
Отец, хаос настал. Отец, чего ты ждешь?

Мой первенец, мой сын, хаоса нет, законы
Царят на свете, сын, железные законы.
И лишь рассеется дым павших государств,
Завидят их не раз сквозь груды пепла царств,

Отец, струится кровь твоя, как едкий яд.
Железные законы, сын, на нас глядят.
Последний из птенцов, отец, в ночи убит.
И враг наш в эту ночь рыдает, сын, навзрыд.

8. Саранча

Но бедствий океан тем не иссяк, Амон.
Как на посмешище ты будешь обнажён.
От крови отсчитав семь кар, в восьмой ночи
Твой облик извратит сонм полчищ саранчи,

И всё зелёное сотрут с лица земли.
Народ столь крохотный тебя, Амон, палит.
Когда ветра пустынь иссушат лист дотла,
От вёсен и от зим останется зола.

Утратишь разум ты. Забыт и одинок,
Взывает к небесам трепещущий сверчок.
Лишь о тебе грустит печальный сей певец...
Отец, воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, где город тот? Где лес, роса и новь?
Они мне чудятся во сне сквозь град и кровь,
Сквозь них лик матери глядит в меня с небес.
Но саранча прошла, и образ тот исчез.

Мой первенец, так стёрлись родина и образ,
Дабы больней любить её изъятый образ.
У нас в очах она, как чёрная зола.
У нас в сердцах она, как голубок бела.

Отец, из-за окна гляжу я на Амон.
Как камыши, мой сын, наш город оголён.
Последний лепесток пристал, отец, к песку.
Целует землю, сын, он на своем веку.

9. Тьма

Тьма грянула, Амон. Не сумерки, не тень —
Мрак чёрный и слепой затмил внезапно день.
И тщетно из всех сил ты расширяешь зрак,
Дни покорились тьме, и их окутал мрак.

И покрывает он деяния племён,
Слух коих столь ласкал свирели нежный звон.
То мрак, что из давно минувших дел и дней
В музеях дребезжит осколками камней.

Ночь бдения, Амон. Недвижима, тиха.
Свершилось всё, Амон. Разумно, без греха.
Лишь мальчик в колыбели сед, словно мудрец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, где ты, отец? Я весь окутан мглой.
Ощупай ты меня, отец, отец родной.
Не покидай меня, и, тьме наперекор,
Воспрянем к свету мы, как птицы с выси гор.

Мой первенец, мой сын, не разлучит нас сумрак,
Он сковывает нас слепым стенаньем, сумрак.
Рыданьем, гневом, сын, мы сплочены поднесь.
Не здесь начало их, и их конец не здесь.

Отец, взлетим, отец, туда, где яркий свет.
Засветится, мой сын, Амон светлей комет.
На нас, отец, Амон взирает из руин.
Твоя ночь близится. Готовься к ней, мой сын.

10. Казнь первенцев

Вернись, звезда пришельца. Обагрись, Амон.
Царевна-жаба, сядь под стенами на трон.
Воскресни, прах земной! Смотри: то явь, не сны.
Стой, рысь! На зрелище вы все приглашены.

Глядите ж! Лунным светом ночь озарена.
Огонь чумы, гори! Лунная ночь ясна.
Ты, язва, веко вновь приподыми свое.
Град, встань, словно король, опёршись на копьё.

Взбирайтесь зреть с неё... Над городом луна.
Вы, саранча и мрак... Вкруг города стена,
Эй, толпы, по местам! Где сонмищам конец?..
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец мой, на груди ты руки мне скрестил,
Мои глаза сомкнул и веки опустил.
И тьма вокруг меня, и прах, и звёздный блеск.
Рыданье лишь твоё шумит в ушах, как лес.

Мой первенец, мой сын, звезда, прах, и рыданье
Нам подарили мир счастливее рыданий.
Звезда, рыданье, прах — они цветной хитон
И саван ночи той, последней в Но-Амон.

На мне, на мне хитон, и я готов, отец.
Сын старости моей, Амона первенец.
Отец на сына пал. Затих и замер свет.
И казням всем конец. Взошла заря. Рассвет.

III. ЛАНЬ

Взошла заря. Рассвет. И луч звезды трепещет
Как серна. Лань зари орлёнком ввысь взвилась
И красной девицей она игриво блещет.
Но солнце вспыхнуло — и свет её погас.
И все ж из века в век глупец и старец вещий
Целует башмачок её в тот ранний час.

Амона ночи лань, быстра как миг ресницы...
Да, многое с тех пор свершил наш род людской.
И сорваны не раз в веках врата столицы,
Но из под груд углей, обрызганных росой,
Как из сей песни взор в тебя вперяют лица
Отца и девицы с малиновой косой.

И ты легка, легка, крылатее орлёнка.
И девица, как ты, быстрее вольных птиц.
Как червь стал мотыльком в своей личине тонкой,
Веками на тебя взор первенца-ребёнка
В час смертный устремлён из-под густых ресниц.
Так чудом светится улыбка бледных лиц.

И клятву дал отец в торжественном обряде,
С ним дева, не склонясь, с малиновой косой.
Как шило в тьме мешка не утаить, не спрятать,
Так не сокроет ночь священной клятвы той:
Не воцарятся вошь и жаба вод проклятых,
Народы не падут лобзать жезл золотой.

И в мире, где лишь меч да серебро сверкают,
Надежды вековой подует ветерок.
Прах скорби и любви её в ночи рождает,
Ей крик роженицы — преддверье и порог.
Доколь одна душа ей верностью пылает,
Врагов надежды той постигнет жалкий рок.

Недаром лик отца улыбкой озарился,
А дева рядом с ним, лучиста и горда.
Удел людских племён пред ними прокатился
В разбоях и грехах — то грех, то бич суда, —
Поток измен, и кар, и слепоты разлился,
Но он улыбки той не смоеет никогда.

Улыбка та сильна и вечна, как загадка.
И в вере праведной лежат её концы,
И малое дитя ей ведаёт разгадку,
Но не решат её и по сей день глупцы.
В ночь смерти первенцев в заре блестит украдкой
И башмачок её сквозь алые рубцы.

Амона ночи лань! Взлетела ты высоко,
И ты — звезда-птенец — сверкаешь с вышины,
И всем погибшим ты — луч осенью глубокой,
Бессмысленно живым — ты первый смех весны,
Сияют вслед тебе отец и червь безокий,
И девица, чьи косы кровью сплетены.

Перевод И. Орена

ГОРОДСКОЙ ВЕЧЕР

Сочится розовым закат,
голубизной асфальт расцвечен,
и женские глаза блестят,
и дразнят подошедший вечер.

Цветут бутоны фонарей,
окрасив мир пахучим светом,
весна чем ближе, тем пьяней –
ну как пропустишь пьянку эту?

Весна – девчонка, сорванец,
махнула юбкой и умчалась,
меж наших дней, ночей, сердец
свою разбрасывая шалость.

Из суеты ночей и дней –
туда, где синие туманы,
где наши души в тишине
пасутся на траве дурманной.

А может быть, вон то такси
ее улыбка осветила...
Спаси, весна, и воскреси
всё то, что не было и было.

Один, без друга и жены,
я наблюдаю без стеснения,
как грудь вздымается луны
из-за соседнего строенья.

О, как я мал, ничтожен как,
но лоб высок, сознание гулко,
когда я совершаю шаг
по звёздной пыли переулка.

**Закат по улице течёт
в туннель, где синь, и темь, и площадь...
кто до конца ее дойдёт,
заплачет от избытка мощи.**

**Сочится розовым закат,
голубизной асфальт расцвечен,
и женские глаза блестят,
и дразнят подошедший вечер.**

Перевод А. Тарна

ОПОЛЧЕНЕЦ

День был сер и погода капризна.
Он сошёл на причал с корабля.
И ждала на причале Отчизна
в виде “виллиса” и патруля.

Его имя печатью прижала,
его вещи швырнула в мешок,
и присягой ужасной связала,
чтобы он передумать не мог.

Он усердно стрелял и гранату
по команде швырял далеко.
Но мы знали: без дома и брата
подниматься на штурм нелегко.

Ему выдать Страна не успела
ни друзей, ни угла, ни земли —
без которых мы все, как без тела,
и помыслить себя не могли.

Только новую жизнь — что осталось —
от неё получил он в строю.
Но и эту ничтожную малость
он вернул ей в вечернем бою.

Перевод А. Тарна